

Точка зрения

Н.Р. Сидоров

Психологические предпосылки девиантного поведения

Сидоров Николай Русланович — окончил факультет психологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Кандидат психологических наук.

Работал директором Экспериментального комплекса социальной помощи детям и подросткам «Лосиный остров» Московского департамента образования — первого специального учебно-воспитательного учреждения открытого типа для детей и подростков с девиантным поведением.

В 1999 году был удостоен премии Президента РФ в области образования за разработку и внедрение концепции «Система психолого-социального обеспечения развития столичного образования» для общеобразовательных учреждений и психолого-педагогических центров г. Москвы.

С 2002 года и по настоящее время работает заведующим лабораторией «Психологические проблемы детей с девиантным поведением» Московского городского психолого-педагогического университета.

Им была разработана и прошла успешную апробацию методика раннего выявления детей и подростков группы риска по их социальной адаптации и личностному становлению.

Имеет многочисленные публикации по проблемам девиантного поведения и социальной дезадаптированности несовершеннолетних.

Сфера научных интересов — психология отклоняющегося поведения и философия образования.

При девиантном поведении роль сознания снижается. При этом высшим уровнем регуляции поведения человека оказывается **оречевленная рассудочность**. Последняя — в принципе — исполняет функцию ориентации индивида в предметном мире, но человеческая жизнь разворачивается, в основном, в мире социальном. И это несоответствие уровня психической регуляции обстоятельствам жизнедеятельности проявляется как девиантное поведение.

Ключевые слова: девиантное поведение, психологические предпосылки девиантного поведения, уровни психической регуляции деятельности, сознание, оречевленная рассудочность.

В статье «Психология девиантного поведения: новый взгляд» («Вестник практической психологии образования» №2 (15) за 2008 год) мы выдвинули ряд идей, относящихся к природе данного поведения, и привели результаты эмпирического исследования в их подтверждение. Представим их краткую характеристику.

1. Как только мы определяем девиантное поведение как поведение, нарушающее социальные нормы, то сразу же уходим из предметного поля психологии и переходим к рассмотрению этических проблем. Если же мы хотим рассматривать *психологические проблемы* девиантного поведения, то должны придерживаться известных методологических оснований: культурно-исторической концепции формирования человеческой (сознательной) психики и теории деятельности.

2. Девиантное поведение есть поведение конкретного индивида, последовательно разрушающее совместную деятельность и общение в группе (общности), к которой он принадлежит сам, вне зависимости от этической оценки этого поведения. Психологическими предпосылками девиантного поведения индивида являются его отрицательное отношение к социальному окружению в сочетании со сниженной способностью к эмпатии и искаженной «Я-концепцией».

3. Психологической основой девиантного поведения является *дефект содержания сознания*, но не *дефект мышления* (о чем пишут многие авторы). Т. е. девиантное поведение индивида формируется под влиянием ущербного сознания, за исключением случаев *злонамеренности*, которые в школе чрезвычайно редки.

В рамках данной статьи мы хотим остановиться на особенностях психической регуляции девиантного поведения, которые не были подробно рассмотрены в предыдущей статье.

Организация психической регуляции жизнедеятельности не подлежит сомнению: мы наблюдаем существование инстинктов (инстинктивного поведения), условно-рефлекторных реакций, элементарной расщудочной деятельности у высших животных и поведения, регулируемого сознанием, у человека. Согласно современным этологическим представлениям, есть прямая однозначная связь между положением животного на эволюционной лестнице и уровнем, на котором осуществляется психическая регуляция его поведения. При этом у высших животных нижележащие уровни регуляции поведения не отмирают, но их роль становится все менее важной [4]. Правда, данный подход не лишен своеобразного «этологического экстремизма»: «...дальнейшая дифференциация конечного мозга в процессе филогенетического развития приводит к тому, что элементарная расщудочная деятельность животных начинает играть все большую роль в их поведении. И, наконец, у человека расщудочная деятельность оказывается основным компонентом, определяющим его поведение» [8]. Т. е. сознательной регуляции человеческого поведения не существует, а вернее, в сознании как объяснительном принципе, просто нет необходимости: все повороты человеческого поведения можно объяснить расщудочностью.

В отечественной психологической традиции заметен и противоположный крен: проблема сознания и целенаправленной сознательной деятельности полностью заслоняет собой проблему расщудка и целесообразного расщудочного поведения. Расщудок попросту не выделяется как особенная психологическая категория и не дифференцируется от сознания, интеллекта или мышления. Так, в двух фундаментальных работах, во многом определявших исходную позицию и направление последующих теоретических построений, а также интерпретацию результатов экспериментальных исследований: в «Основах общей психологии» С.Л. Рубинштейна [11] и в «Проблемах развития психики» А.Н. Леонтьева [9], — этой категории нет вовсе.

Безусловно, человеку, свойственны все виды психической регуляции поведения: от инстинкта до сознания, — но мы считаем, что приписываемая сознанию роль в организации конкретных поведенческих актов сильно преувеличена. Н.А. Бернштейн очень убедительно показал, как целостные предметные действия, формируясь первоначально на высоких уровнях, регулируются впоследствии уровнями нижележащими [2]. Аналогичные механизмы работают и в паттернах (англ. pattern — образец, пример, модель, шаблон) социального поведения: часто ли мы задумываемся над этимологией слов, произносимых нами? А часто ли учитель «пропускает через сознание» те приемы, которыми он организует работу класса на уроке?

Тем не менее, роль сознания чрезвычайно... Но проявляется она в другом: сознание есть системное

свойство человеческой психики, выводящее последнюю на качественно новый уровень отражения действительности, а не некоторая дополнительная способность, появившаяся у человеческого рода и проявляющаяся в абстрактно-понятийном мышлении (включая речь). То, каким образом функции психики, доставшиеся нам в результате ее филогенетического развития, перестраиваются под влиянием сознания, достаточно полно описано в работах Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, Д.Б. Эльконица, А.Р. Лурия и многих других авторов.

И если восприятие, внимание, память, мышление представлены в психологической литературе достаточно полно, то такой формы сознания, как расщудок, вроде бы и не существует! Хотя это не так: многократно описывалась «способность животного улавливать эмпирические законы, связывающие предметы и явления внешнего мира, и оперировать этими законами в новой для него ситуации для построения программы адаптивного поведенческого акта». Эта способность получила название *элементарной расщудочной деятельности*, при ее посредстве «может осуществляться адаптивное поведение при первой встрече животного с многообразием внешнего мира. Основная особенность расщудка — эвристическая форма поведения» [8]. Первое, чем отличается расщудочная деятельность человека от той же функции высших животных, — она *оречевлена*. Именно это делает сложной дифференциацию человеческой расщудочности от сознания. Но оречевленная расщудочность есть явление того же порядка, что и «оречевленная перцепция», упомянутая Л.М. Веккером [3], — оба этих феномена формируются под влиянием сознания, но сознанием или какими-то его элементами не являются.

Забегая вперед, надо сказать, что сознание и расщудок имеют в человеческой психике разное предназначение: сознание — для продуцирования идей и образов, расщудок — для адекватного приспособления к конкретным жизненным ситуациям. Строго говоря, работу сознания (продуцирование идей) нельзя считать *поведением*, а приписывание ему, в частности, функции организации локомоций¹ означает утерю человеческой специфики сознания. Если говорить иначе, то, в соответствии с принципом единства «внешней» и «внутренней» деятельности, расщудочность есть тот структурный элемент человеческой деятельности, который *непосредственно* связывает действующего человека с его предметным окружением.

Обращаясь к уровню досознательной психики, можно отметить, что основными элементами этой системы являются: а) восприятие актуальной предметной ситуации, б) отражение потребностных состояний, в) оценка физических параметров и адек-

¹ Локомоция (от лат. locus — место и motio — движение) — передвижение, разновидность движений животных и человека, связанная с их активным перемещением в пространстве.

ватное отражение физических характеристик тела носителя психики, г) организация приспособительных локомоций. Вся эта система обеспечивает животному организму адекватное приспособление к условиям среды его обитания с учетом жизненной необходимости в удовлетворении витальных потребностей. Наше понимание существа психической деятельности и «блоков» психики в принципе соответствует тому определению, которое сформулировала Н.И. Чуприкова [13]. Различие лишь в том, что мы считаем необходимым дополнительно ввести в описание содержания психической деятельности момент своеобразной «самооценки» субъекта, не ограничиваясь указанием на «собственные внутренние состояния организма».

Так, организованная психика при нормальном функционировании в полной мере обеспечивает своему носителю сохранение и продолжение его жизни. При определенном закономерном непостоянстве предметно-дискретной среды психическая активность принимает форму элементарной рассудочной деятельности, и неожиданные задачи в изменяющемся предметном окружении успешно решаются. *Оречевленная рассудочность* справляется с аналогичными задачами не хуже. Проблема в том, что человек пребывает не только (не столько) в предметном мире, но и в мире социальном. А в этом мире рассудочность, даже оречевленная, уже «не спасает», — необходима сознательная регуляция поведения, адекватная этому миру. Поэтому мы и считаем, что *важной психологической предпосылкой девиантного поведения является снижение регулирующей роли сознания в организации социальных взаимодействий и переход психической регуляции жизнедеятельности на уровень рассудочности.*

Другими словами — специфически человеческое содержательное взаимодействие состоит в обмене идеями, и для успешного участия в таком обмене

необходимо адекватное содержание сознания. А «техническая» сторона активности человека вполне успешно регулируется его рассудком.

Итак, под влиянием сознания рассудочная деятельность как одна из психических функций приобретает характеристики, качественно отличающие ее от рассудочности «досознательной» (табл. 1).

Все перечисленные «блоки» психики в живом целостном процессе ее функционирования теснейшим образом связаны между собой. (Психика «едина и неделима», а ее структурные элементы — не более чем наши абстракции, придуманные для лучшего понимания и описания феноменов.) Эта тесная связь выражается в том, например, что сниженная способность к углубленному пониманию контекста, в который включена актуально данная и непосредственно воспринимаемая ситуация, сказывается не только на особенностях мировосприятия, а также на способности к возможно более полной рефлексии себя, своих желаний, своего поведения.

Н.Л. Белопольская с соавторами в коллективной монографии «Самосознание проблемных подростков» отмечает: «Исследование показало, что у 79% подростков с нарушением поведения системные идентификационные нарушения сочетаются с неадекватной общей самооценкой. 32% девиантных подростков обнаружили неадекватно завышенную самооценку, 35% — неадекватную «среднюю» самооценку, 12% — неадекватно заниженную самооценку. 21% девиантных подростков обнаружили положительную адекватную самооценку» [1, с. 106]. Нарушения по тому или иному аспекту самоидентификации в контрольной группе подростков встречаются только в 11—14% случаев.

Надо еще раз повторить, что, с нашей точки зрения, такого рода аномалии психического отражения есть следствие недостаточного (по сравнению с воз-

Блоки	Досознательная психика	Под влиянием сознания
а)	Восприятие актуальной предметной ситуации «здесь и теперь» с опорой на память.	Восприятие актуальной предметной и социальной ситуации в контексте, с опорой на смысл.
б)	Переживание потребностных состояний организма как побудителей активности.	Учет ценностей и смыслов при организации индивидуального поведения, реализующего деятельности.
в)	Учет физических параметров и возможностей организма.	Оценка собственной социальной позиции и социальных дистанций. «Я-концепция».
г)	Организация приспособительных локомоций с ориентировкой на акцептор результатов действия ² .	Продуцирование идей и образов, адекватных ситуации.

Табл. 1. Характеристики рассудочной деятельности

² Акцептор результатов действия (от лат. acceptor — принимающий) — психологический механизм предвидения и оценки результатов действия в функциональных системах. Термин введен П.К. Анохиным в 1955 году.

растной *нормой*) развития сознания. В известной книге Е.В. Змановской «Девиантология...» [7] есть такое, сделанное между делом, замечание: квалификация поведения как девиантного должна учитывать, что в некоторых конкретных случаях «необходимые представления о социальных нормах в сознании ребенка просто отсутствуют...» [выделено мной — Н.С.]. Более того: в психике малолетнего ребенка «плоскости» сознания попросту еще нет.

Формирование сознания осуществляется не автоматически, но под влиянием культурно-исторических факторов (Л.С. Выготский), а сам план сознания в индивидуальной психике выстраивается в деятельности и его адекватность проверяется в деятельности же (А.Н. Леонтьев). Сейчас нет необходимости подробно останавливаться на этих концептуальных методологических основах отечественной психологии, но одно из важных следствий — может быть, несколько неожиданное — надо проговорить. В случае, когда сознание индивида окажется недостаточно сформированным, роль высшего уровня регуляции жизнедеятельности индивида переходит к *оречивленной рассудочности*. Психологически это означает, что поведение индивида осуществляется под влиянием его актуальных потребностей, но не ценностей; под воздействием «здесь-и-теперь» стимулов, вне широкого социального контекста. В результате само поведение являет собою прежде всего приспособительные локомоции, а не продуцирование идей для поддержания социального взаимодействия.

Анализ психологической литературы подтверждает выдвинутую нами гипотезу.

В частности, Д.А. Леонтьев формулирует *мультирегуляторную модель личности*, суть которой заключается в многовекторности человеческого поведения [10]. Логика действий человека может быть объяснена как:

1. логика *удовлетворения потребностей*;
2. логика *реагирования на стимул*;
3. логика *предрасположенности (стереотипа)*...

И здесь он замечает: «Три названных системы или механизма — общие для человека и животного. Любое животное может себя вести в русле этих трех логик... Первые три системы не нуждаются в представлении о мире как о целом. Для того чтобы реагировать на стимул, достаточно стимула. Для того чтобы удовлетворять свои потребности, достаточно потребностей. Чтобы вести себя по стереотипу, достаточно стереотипа...» [10, с. 155]. Далее:

4. логика *социальной нормативности*;
5. логика *смысла*;
6. логика *свободного выбора*.

«...Логика социальной нормативности расширяет контекст деятельности, учитывая то, чего нет «здесь-и-теперь», в данной ситуации... Действие же, ориентирующееся на смысл, — это действие, которое ориентировано на всю систему отношений с миром в

целом. Это поведение, в котором учитывается определенным образом вся система отношений с миром и вся дальняя временная перспектива...» [10, с. 156].

Рассматривая вопрос нарушения смысловой регуляции при девиантном развитии личности, Д.А. Леонтьев пишет: «Прямые выводы говорят о нарушении у делинквентных подростков временной перспективы, планирования и целеполагания, о снижении роли внутреннего мира в регуляции их жизнедеятельности, о суженном, упрощенном мировоззрении и сниженной когнитивной сложности... Косвенно полученные данные свидетельствуют о том, что у делинквентов преобладает гомеостатическая мотивация, защитная позиция, ориентация на удовлетворение своих потребностей «здесь-и-теперь»... Баланс ценностно-потребностной регуляции у них сдвинут в сторону преобладания потребностей... В терминах предложенной нами мультирегуляторной модели можно говорить о том, что у рассматриваемой группы смысловая регуляция жизнедеятельности не является ведущей; люди с девиантной личностной структурой гораздо больше склонны прямо удовлетворять свои желания, реагировать на стимулы, применять стереотипы и действовать согласно ожиданиям референтной малой группы на основе четырех низших регуляторных систем...» [10, с. 347—348].

Интересные для нашей темы сообщения есть в материалах Всероссийской научно-практической конференции «Девиантное поведение: проблемы профилактики, диагностики и коррекции» (28—29 ноября 2008 года) [6]. И.М. Грошев пишет: «Клинико-психологическое исследование [девиантных — Н.С.] подростков выявило, что в структуре их личности наблюдаются такие выраженные характеристики как: недоразвитие когнитивной сферы в целом и слабость интеллектуальной составляющей в системе интегрированного поведения; не критичность и сниженная активность в выборе индивидуальной линии поведения. Поведенческие модели характеризуются тенденцией к группированию в деятельности, неконструктивностью в преодолении препятствий и пассивностью в защите...» [5, с. 80]. Здесь «слабость интеллектуальной составляющей в системе интегрированного поведения» надо понимать, вероятно, как проявление недостаточной сформированности умений и навыков социально приемлемого разрешения напряжения.

У И.А. Чеховой находим: «...у подростков, склонных к бродяжничеству, преобладают мотивы, связанные с сегодняшним днем, временная перспектива у них ограничена лишь самым ближайшим будущим. Преобладающие высказывания, связанные с отдыхом и спортом, хоть и выходят за рамки одного-двух дней, вместе с тем относятся также к сравнительно близкому будущему. Подростки контрольной группы заметно отличаются от своих сверстников-бродяг тем, что их мечты, планы, желания в значительной степени связаны с довольно отдаленным будущим и имеют отдаленную временную перспективу» [12, с. 119].

Такого рода положения: о бедности временной перспективы и недооценке контекста, о деформациях «Я-концепции» и ориентации на близкие гедонистические цели, о необоснованной «резкости» и нарушении социальных дистанций в поведении девиантных подростков, — встречаются в современной специальной литературе нередко. Однако нельзя не отметить, что ряд авторов часто повторяют тезис о сниженном интеллектуальном уровне девиантов. С нашей точки зрения, подобный подход примитивизирует как саму проблему психологических предпосылок девиантного поведения несовершеннолетних, так и подходы к ее решению.

Позволю себе повторить, что мы — сотрудники лаборатории «Психологические проблемы детей с девиантным поведением» Московского городского психолого-педагогического университета — считаем чрезвычайно важной психологической предпосылкой девиантного поведения несовершеннолетних *заметное снижение регулирующей роли сознания при осуществлении ими социальных взаимодействий*. Снижение ведущей роли сознания не приводит к угнетению психической деятельности по поиску и реализации адаптивного поведения, но регулирование последнего начинает происходить *на уровне оречевленной рассудочности*, что само по себе не адекватно ситуациям продуктивного и содержательного межличностного взаимодействия и общения.

Рассудочный уровень регуляции человеческой деятельности проявляет себя:

- в восприятии актуальной ситуации межличностного взаимодействия и общения без учета нюансов более широкого социального контекста, в котором она разворачивается, и временной перспективы. В восприятии каждой ситуации как отдельного акта, происходящего «здесь и теперь» вне смысловой связи с аналогичными (того же типа) ситуациями, имевшими место в прошлом. В восприятии людей, входящих в эту ситуацию, преимущественно в качестве факторов, способствующих или препятствующих скорейшему достижению ближайших целей;
- в том, что актуализированная потребность в достижении желаемого или избегании нежелательного значительно превосходит по своей побудительной силе даже «знаемые» ценности. В том, что общечеловеческие смыслы и нравственные ценности в принципе располагаются «во втором эшелоне»;
- в значительном искажении по сравнению с нормами психологического благополучия содержания «Я-концепции»: социальная составляющая значимо снижена против «физической» составляющей. Девиантные подростки-мальчишки придают большее значение аспектам маскулинности, чем своему социальному статусу. Собственный

социальный статус и социальная диспозиция плохо рефлексируются, что приводит, во-первых, к неверной оценке социального статуса и диспозиций других людей, а значит — к неверной оценке необходимой социальной дистанции, во-вторых, к искажению самооценки. Последняя может быть завышенной или заниженной — это неважно. Важно, что она *качественно другая*;

- в том, что поведение девиантных подростков в ситуациях фрустрирующего социального взаимодействия имеет тенденцию *к изменению его предметной составляющей* из-за недостаточной сформированности умений и навыков социально приемлемого снятия напряжения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белопольская Н.Л., Иванова С.Р., Свистунова Е.В., Шафирова Е.М. Самосознание проблемных подростков. — М., 2007.
2. Бернштейн Н.А. О построении движений. — М., 1947.
3. Веккер Л.М. Психика и реальность: Единая теория психических процессов. — М., 2000.
4. Годфруа Ж. Что такое психология. В 2-х т. — М., 1992.
5. Грошев И.В. Девиантное поведение и психические аномалии // Девиантное поведение: проблемы профилактики, диагностики и коррекции: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 28—29 ноября 2008. — Саратов, 2008. — С. 77—82.
6. Девиантное поведение: проблемы профилактики, диагностики и коррекции: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием 28—29 ноября 2008. — Саратов, 2008.
7. Змановская Е.В. Девиантология (Психология отклоняющегося поведения): Учебное пособие. — М., 2004.
8. Крушинский Л.В. Биологические основы рассудочной деятельности. — М., 1986.
9. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. — М., 1981.
10. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. — М., 2007.
11. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: В 2-х т. — М., 1989.
12. Чехова И.А. Изучение мотивационных предпочтений подростков, склонных к бродяжничеству // Девиантное поведение: проблемы профилактики, диагностики и коррекции: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 28—29 ноября 2008. — Саратов, 2008. — С. 117—122.
13. Чуприкова Н.И. Психика и предмет психологии в свете достижений современной нейронауки // Вопросы психологии, 2004, №2 — С. 104—118.